

МАЛЫЕ ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОЙ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Узденова Фатима Таулановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), uzdenova_kbigi@mail.ru

Исследуются малые жанры карачаево-балкарской поэзии, выявляются общее и частное в видовой модели, признаки и критерии оценки художественно-изобразительных средств с целью определения национальной специфики и механизмов адекватного отражения мировосприятия народа. Анализ жанровой парадигмы карачаево-балкарской поэзии, системы образов, особенностей художественного мышления национальных авторов позволил обозначить основные тенденции гносеологического процесса и маркеры этнокультурной идентификации: влияние фольклорной традиции (*нарт сёз* («мудрая лаконичная мысль»), досл. «нартовское слово») и творчества тюркоязычных поэтов эпохи средневековья на становление и развитие жанра миниатюры в карачаево-балкарской письменной литературе; использование в элегии приема развернутой метафоры и смысловых конструкторов (лирические вопросы), обладающих значительным функционально-когнитивным потенциалом и обуславливающим воспроизводимость динамики эмоционально-мыслительного процесса; формирование знаковой образной системы на основе архетипических и этико-эстетических представлений народа.

Ключевые слова: карачаево-балкарская поэзия, малые жанровые формы, элегия, миниатюра, сонет, фольклорные традиции, образная система.

Карачаево-балкарская поэзия на современном этапе характеризуется обилием художественно-стилевых методов, разнообразием жанровых форм и приемов адекватной передачи эстетической «информации». Из многообразия художественных поисков и решений выявлен ряд лирических и лироэпических жанрообразований, отмеченных в большей или меньшей степени национальной спецификой. В этой плоскости – как канонизированные формы (элегия, миниатюра, сонет), так и этнические формы/праформы (*алгыши* («благопожелание»), *кюй* («плач»), *ийнар* («лирическая песня») и др.). Последние, зародившись в фольклорной эстетике, были освоены авторской литературой и употребительны на последующих этапах развития социума. Основным объектом рассмотрения в данной статье явилась категория классически оформившихся (канонизированных) жанровых разновидностей поэзии преимущественно лирической природы.

Для лирики специфична монологическая форма речи; наиболее приемлема она для лирического раздумья. В литературоведении (отечественном и зарубежном) данный вид в статусе поэтической единицы не определяется, хотя его смысловое пространство наличествует со всем присущим ему понятийно-категориальным аппаратом. Движение чувств лирического героя, то есть то, что является определяющим в лирике, сопровождается мыслью: там, где чувство, неминуемо должна присутствовать мысль – дума, воспоминание. «Чем глубже чувство, тем глубже мысль, и наоборот...»¹. Глубина мысли закладывается уже в самом термине – «раздумье», взволнованность – в его лирической фактуре. Пожалуй, ни

один из карачаевских и балкарских поэтов не обошел вниманием этот вид лирики. Творчество их различается лишь по тематике: в философском ключе написаны стихотворения С. Гуртуева, А. Байзуллаева, мир социально-политических страстей нашел отражение в поэзии А. Суюнчева, М. Табакоева; психологизм и чувственное восприятие действительности с особой силой проявились в стихах Т. Зумакуловой, Б. Аппаева, А. Бегиева, жанр элегического раздумья стал предметом интереса поэтов Ф. Байрамуковой, Н. Хубиева, А. Созаева, М. Беппаева и др.

Наиболее часто национальные поэты обращаются к образу-переживанию, «навеванному» грустью, то есть к форме *элегического* раздумья. «Жанр *элегии* в карачаево-балкарской поэзии занимает доминирующее положение, ибо непосредственно связан с отражением настроения народа (обусловлено преимущественно трагическим опытом прошлого, в особенности депортации 1944–1957)»². Боль, разочарование, интимность – устойчивые черты элегического жанра – получили в свое время полноценное художественное выражение в творчестве классиков национальной литературы – К. Мечиева, А. Будаева, И. Семенова, С. Шахмурзаева и др. Современная элегия строится на несколько иных принципах художественного воплощения. В ней, как в монологах-признаниях, все чаще говорится о внутреннем дискомфорте, вызванном ощущением самонесостоятельности и разрушения, губительного для души («О равнодушие, что тебя страшней! / Как разрушительна безмолвная угроза...» – М. Кудиев).

Утверждение первичности внутреннего состояния человека, априорных форм чувственного восприятия по сравнению с внешними факторами делает элегию «формой, где самоанализ и самоисследование прокладывают путь к познанию бытия»³.

Живу я словно между двух огней,
Двух берегов, двух полюсов, двух граней...
С. Моттаева

Хронотопическое изображение «двойственности» типично для художественного сознания поэтов современности. Это строки с «тисками». Лирическая медитация передает мир внутренних противоречий героя, его меланхолического настроения.

Пример обращения к экспрессивным моделям мы находим и в поэзии выселения М. Батчаева:

Мен да насыб
Излер эдим
Кюн батмагъан джагъада,
«Къарачай» деб,
Насыб берген
Джер болмаса дуняда.
И я счастье
Искал бы
На берегу, где не тонет солнце (нет закатов),
Если не было бы называющегося «Карачай»,
Дарующего (дарующего) счастья
Места на земле.

Подстр. пер.

Воспроизводимость посредством информационных связей этноса базисных представлений (воплощенных в этносимволе, традиционных концептах) обеспечивает его идентичность и стабильные, константные структуры, позволяющие сформировать адекватное представление об особенностях национального сознания и миропостижения.

Значительную роль в элегиях играют лирические вопросы – структура, репрезентирующая смысловую модель внутреннего монолога. Значительным функционально-когнитивным потенциалом в ней обладают смысловые звенья, имеющие вопросительную направленность. В результате поиска (лирическим героем) ответа на вопрос появляется развернутое содержание, в последующем рождается и ответ. В лирике такой прием обуславливает воспроизводимость динамики эмоционально-мыслительного процесса, ход размышлений.

Если я все забыл –
травы, луну, ветер...
сказки детства?!
Если я все забыл –
его мечты, ожидания,
наши горы...
радость и печаль народа?!
Если так,
зря я живу –
Я зря говорю,
если так!

Байзуллаев А. Если я все забыл

Использование только оценочных единиц (с помощью усилительного рефрена) придает поэтическому тексту экспрессивность и синтонию:

Навек ли – дома и люди?
Навек ли – хлеб и вино?
Навек ли – все, что мы любим...
Навек ли – без гнезда?..

Байзуллаев А. Навек ли

Большую смысловую нагрузку в элегиях несет прием развернутой метафоры. Например, у А. Созаева – в сочетаниях «Къолларым» («Руки мои»): «Мудахдыла къолларым» («Грустны мои руки»), «Сагъышлыла къолларым» («В раздумье мои руки»). За «думами» – целая жизнь, прошлое и настоящее, доброе и безжалостное («балтаны тутхан къолла» – «палач»); в воспоминаниях – ласковые пальцы матери и натруженные, мускулистые руки отца. Аллегии осязаемы и реальны («как книга, руки приоткрылись»).

Миниатюра, так же как элегия, имеет свои традиции в карачаево-балкарской лирической поэзии. В какой-то степени она даже более самобытна, что обусловлено прежде всего созвучием концентрированной формы выражения емкому содержательному «горскому слову» (исконно – нарт сёз); ментальными особенностями фольклора, который и породил своеобразную ритмико-языковую мини-систему.

Надо сказать, что на формирование и в последующем прогрессивное развитие малых форм в карачаево-балкарской поэзии большое влияние оказало творчество тюркоязычных поэтов эпохи средневековья, создающих свои произведения преимущественно в жанрах «парса» и «китга».

В современной карачаево-балкарской поэзии миниатюра представлена разными жанровыми формами – это и алгышы (здравицы, благопожелания), и афористичные одно-, дву- и четырехстишия (стихи-стрелы по типу хайямовских, мечиевских). Лаконичные «мудрые» мысли создают своего рода морально-этический кодекс человека («В доброту верит человек, / Даже если от тягот поседет голова» – А. Бегиев. *Подстр. пер.*).

Афористическое зачастую содержится и в самих названиях, например: «Беду сменяет радость, зелень – снег ...» (М. Кудаяев), «Кому – ущелье, а кому долина...» (С. Гуртуев). «В подобных микротекстах сравнение предстает как простейшая

форма образной речи, но при этом наблюдается глубокое «приращение смысла», и образное сравнение является самостоятельной семантической единицей»⁴.

Активно распространены для определения формально-содержательной структуры произведения и формулировки: «двустихия», «трехстихия», «четверостихия», «восьмистихия», «пирамиды новых строк» (С. Макитов).

И океан – как жизнь, и жизнь – как океан ...
Не ведомы судьбы закон и произвол.

Сопараллель *жизнь – судьба* в контексте «океанического» мировидения становится философской формулой. Сравнительная характеристика подается в двухвариантном соотношении: как соответствие по переносному значению, и по выражаемому образу. «Большинство соотносимых сравнений того или иного языка представляют собой в системе лексических изобразительных средств общие явления. Тем не менее компоненты сравнений, их лексическая наполняемость в каждом языке специфична, поскольку в изобразительных средствах находится отражение, как правило, психология народа»⁵. Так, символическое объяснение «океанического» истока жизни уходит вглубь истории. Как явствует из мифологии карачаево-балкарцев, возникновение Дерева Жизни происходит после того, как мировой океан (*долуан-тенгиз*) порождает огромного буйвола (*егюз*), олицетворяющего космический порядок, противостоящего силам тьмы (Ворон – *Къуз-гъун*). «Различные аспекты внеязыковой реальности отражаются в человеческом сознании на соответствующих уровнях. Эти так называемые уровни когнитивных структур человеческого сознания универсальны в том смысле, что они не имеют различий в зависимости от этнической принадлежности народа. С другой стороны, в противоположность когнитивным структурам следует различать этнические языковые структуры, которые соотносятся с определенной моделью отражения внеязыковой реальности в человеческом сознании»⁶.

Больших успехов достигает *сонет*, жанр эстетически непреходящий, успешно развивающийся в литературах многих народов, популяризованный, хотя и несколько «имплантированный» в национальную почву.

Горские сонеты в большинстве своем построены на пятистопном ямбе. В первом катрене – экспозиции вычерчивается тема, во втором – развитие действия, в первом терцете – развязка, второй терцет – завершение стиха в целом. Развернутые в единстве пяти законченных циклов «Сонеты родины моей» М. Мокаева составляют условно-символическую знаковую систему – топонимическую (по названию пяти ущелий). Как и в ренессансном сонете мир в сонетах поэта имеет естественный центр – человека. Художественный язык М. Мокаева богат и метафоричен, передает красоту и величие родного ущелья. Упоминание в первых строках имен Шекспира, Петрарки – дань глубокой признательности за возможность постичь мир гармонии чувств эпохи Возрождения. Совершенство формы, мелодичность, отточенность поэтического слога, широта тематического диапазона – все это слабые художественного мастерства, гения поэта. Любовь как категория вечного (к своему народу, родным просторам, женщине) – центр его микрокосмоса.

Знаменательным явлением в карачаево-балкарской литературе стало обращение поэтов к «венку сонетов». Одним из первых, кто взялся за его создание, был С. Гуртуев. Элегической грусти и нежности исполнены строки посвящения любимой женщине («Ни слова не таю»):

Я вплеп в свои стихи твое святое имя,
И ты поверь моим словам, согрешивши ими, –
Ни слова не таю, не лгу ни запятой...

Следует сказать и о других жанрах поэтического искусства, не столь динамично развивающихся и представленных, соответственно, меньшим количеством

произведений, но уверенно укрепляющих сегодня свои позиции. Это *этюд* (С. Моттаева, А. Байзуллаев) и *стихотворение-притча* (М. Геккиев, М. Ольмезов). Последнее (в классическом варианте – басня) представляется, главным образом, в виде развернутой притчи и мастерски разработанного диалога. Тематически их (стихотворения) можно разделить на несколько групп; превалирует та, где содержится семантический аналог словесно-образного изречения «не рой яму другому – сам в нее попадешь». В отдельных случаях обыгрываются сюжеты басен И.А. Крылова.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что последние два десятилетия XX-го столетия характеризуются напряженным процессом жанровых исканий, диапазон которых – от содержательно-формальных экспериментов до поисков в рамках новых художественных методов. Наряду с традиционным, сюжетно-повествовательным типом организации стиха, сохранившим в количественном отношении приоритет, ускоренными темпами развиваются и различные формы бессюжетного типа. Меняется и сама структура стихосложения: наблюдается переход от речитативного стиха народной песни к упорядоченной форме, силлаботонике, к концевой рифме. Поскольку моделирование специфической образной системы карачаево-балкарской поэзии происходит на ранних стадиях гносеологической деятельности индивидуумов, определение сферы и степени влияния мифопоэтической традиции на эволюцию этнокультурного сознания – весьма важный и ответственный момент исследования. Мифопоэтическая традиция отвечает диахронно-синхронным представлениям социума, сопряженным с сакрализацией явлений природы и объектного мира, а экологическое пространство этноса порождает систему образной символики. Выбор концепта также мотивирован когнитивными процессами. К примеру, в стихотворении Х. Джаубаева «Тиним» («Дыхание») с образом сосны, дерева-тотема, ассоциируется сама жизнь, вечность (в мифологической системе карачаево-балкарцев, как и у многих народов мира, священные деревья занимали особое место). Интенсивно развиваются малые жанровые формы, активно «осваивая» сектора этнонационального и интернационального, синтезируя фольклорные традиции и опыт многонациональной литературы.

Примечания

1. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. С. 357.
2. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: к типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2008. № 2. С. 195.
3. Юсупова Ч.С. Поэзия // Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985). Махачкала: ДМЦ РАН, 1999. С. 86.
4. Кетенчиев М.Б. О языке и стиле поэзии М. Беппаева // Проблемы современной кавказской и тюркской филологии и этнографии: сб. статей. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. С. 67.
5. Узденова Ф.Т. Этносимволы в картине мира карачаевцев и балкарцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). Ч. 2. С. 180.
6. Ульянова Н.Н., Панькина Е.В. К вопросу о языковой интуиции тюркоговорящих народностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. 2. С. 196.

SMALL GENRE OF MODERN KARACHAYEVO-BALKARIAN POETRY: NATIONAL SPECIFICATION

Uzdenova Fatima Taulanovna, Candidate of Philology, the senior research associate of the sector of Karachaevo – the Balkar literature of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal

State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), uzdenova_kbigi@mail.ru

Small genre forms of Karachay-Balkar poetry are investigated, general and particular in the species model, signs and criteria for evaluating artistic and visual means are identified with the aim of determining the national specifics and mechanisms for adequately reflecting the people's worldview. Analysis of the genre paradigm of Karachay-Balkar poetry, the system of images and the peculiarities of the artistic thinking of national authors made it possible to identify the main tendencies of the epistemological process and the markers of ethnocultural identification: the influence of the folklore tradition (*nart sez* ("wise laconic thought", the word "Nartovsky word" poems-arrows) and the work of Turkic-speaking poets of the Middle Ages on the formation and development of the miniature genre in Karachay-Balkar written literature, an abridged metaphor and semantic constructs (lyrical questions) that have a significant functional and cognitive potential and determine the reproducibility of the dynamics of the emotional-thought process, the formation of a symbolic image system based on the archetypal and ethical-aesthetic notions of the people.

Keywords: Karachay-Balkar poetry, small genre forms, elegy, miniature, sonnet, folklore traditions, figurative system.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-116-121